

Антонина Крюкова

Рефлексия

КАК ВАМ УДАЛОСЬ пре- вратить Дом кино в место, объединяющее не только творческую интеллигенцию, но и политиков?

— Спасибо, я воспринимаю это как комплимент... Но не мне, а нам удалось — правлению Центрального дома кинематографистов, его председателю Виктору Ивановичу Мережке и команде ЦДК. Люди в этой команде работают, как говорили раньше, не за страх, а за совесть, а как говорили еще раньше — практически на одном энтузиазме. Во многом это заслуга правительства России, Москвы, Роскомкино. Начиная со времен Элема Климова до времен Андрея Смирнова, нам не мешали... И не мешают. Многие начинания гибнут в пучине слов комментаторов, оппонентов, врагов и друзей. Хотя этот хор часто бывает прав... Но узнать его правоту (или неправоту) можно только тогда, когда дело сделано.

Мы, например, взяли за правило, чтобы туалеты в Доме кино были чистыми, чтобы там всегда была туалетная бумага и кусочек дешевого мыла. С другой стороны, мы придумали «Нику» и «Зеленое яблоко». Таким образом получилось сочетание мелких забот и грандиозных планов, работающих на престиж Дома кино.

Но начали мы с вечера Александра Солженицына в 88-м году. Проводили его полусекретно, нам угрожал КГБ, мы послали видеокассету в Вермонт. Потом были вечера Василия Аксенова, Владимира Войновича, Наума Коржавина... Первыми, кто открывал этих писателей и поэтов, были мы.

И «Нику» мы придумали тогда, когда это в голову никому не могло прийти. Сейчас нас развораживают по частям, выдавая наши идеи за свои. Создали, кажется, уже шесть разных «Ник», а тогда никто не знал технологии этого гигантского шоу: мировой опыт в проведении таких зрелищ отличается от нашего — везде такое шоу идет с антрактами, с

Юлий Гусман (р. 1943) — кинорежиссер, сценарист, директор и художественный руководитель Центрального дома кинематографистов (с 1988 года), автор национальных призов в области кинематографии «Ника» и «Зеленое яблоко, золотой листок», шоу-мейкер и депутат Госдумы (блок «Демократический выбор России»). Закончил Азербайджанский медицинский институт, по первой профессии — врач-психиатр. В 73-м окончил Высшие режиссерские курсы в Москве. Поставил фильмы: «Дачный домик для одной семьи (сц. Рустам Ибрагимбеков), «В один прекрасный день» (сц. Максуд Ибрагимбеков), «Не бойся, я с тобой» (сц. Юлий Дунский и Валерий Фрид). Ставил спектакли в Азербайджане, России, Америке, Китае, Японии. Известны его мюзиклы «Три мушкетера», «Человек из Ламанчи», «Дракон». В 1965—1972 гг. — капитан знаменитой команды КВН г. Баку, которая на протяжении 8 лет была обладателем кубка чемпиона СССР.

Юлий Гусман.

этого можно не понимать! Поэтому мы должны писать о «Нике» с любовью и обожанием. Хотя бы о ее героях.

— Прямо так — с любовью и обожанием?

— Вы знаете, я так люблю этих людей, и мне бывает так обидно за них! Вот простой пример. У замечательного, гениального артиста Михаила Жванецкого уже целый год душевная травма, потому что какая-то газетенка написала о его выступлении в стесном стиле. Он до сих пор переживает. Не потому, что его нельзя критиковать или он не принимает критики. Но Жванецкий — национальное достояние. Как Майя Плисецкая, допустим. Это знает любой студент факультета журналистики. Мы же привыкли хлопотать ушами при виде суперзвездного иностранного ничтожества, у которого ничего нет, кроме дешевой популярности. А вот когда о великом российском артисте какой-нибудь журналист или критик пишет в стесном стиле, то я всегда думаю: ах, Москва, знать она сильна, что дает на Слона! К тому же, теперь все ангажировано, за весь этот хамский стес еще порой и деньги заплачены... Никто не пишет по поводу шоу «Оскара» — все пишут тысячи страниц о фильмах, об актерах, об улыбке Де Ниро. На «Нике» же сидят 300 наших звезд, но они никому не интересны! Это обидно, стыдно и глупо.

— Прежде церемония вручения «Ники» проводилась в середине декабря, в этом году срок сдвинулся. С чем это связано?

— Причина очень простая. Думаю 16 или 17 декабря из-за выборов всем будет не до «Ники» — это во-первых; во-вторых, «Ника» в этом году посвящена 100-летию кино, и церемония вручения призов будет показана по ОРТ 28 декабря. ОРТ выделило нам этот день, поэтому мы успеем подготовиться, смонтировать передачу.

— Никита Михалков снял «Утомленные солнцем» со всех номинаций «Ники». Как вы на это прореагировали?

— Конечно, я огорчился. Мне очень нравится эта картина — замечательное, талантливое кино. Но я считаю, что праздник и премия не могут быть навязаны на-

ГОЛОС ИЗ ХОРА

«Политическая массовка — это греческий хор за сценой», — говорит Юлий Гусман

переменной декораций, с перерывами на рекламу и т.д.

— А деньги откуда?

— Базовая основа всех наших начинаний в Доме кино была одна: ежедневно делать дело. «Ника», «Зеленое яблоко» — эти грандиозные праздники позволили нам привлечь спонсоров. Последние четыре года Дом кино работает только на деньги спонсоров: Альфа-банка, Российской промышленно-финансовой группы, «Олби», Trans-World Metals, других друзей ЦДК.

Мы придумали ПРОК, например. Я это говорю не потому, чтобы кого-то убедить: ах, какие мы честные, какие талантливые, какие неподкупные! Могу вспомнить, как мне предлагали: давай, старик, мы тут откроем казино, пункт обмена валюты, «штука» — тебе, «штука» — Дому кино. Я всегда отвечаю на такие предложения фразой: для Атоса это слишком много, а для графа Де Ла Фер — слишком мало.

— Ваш имидж и стиль жизни контрастируют со стереотипом серьезного или угрюмого политика. Вы используете навыки шоу-мейкера в политической деятельности?

— Существует два типа людей: так называемый шизоидный и маниакально-депрессивный. Речь идет вовсе не о больных шизофрениках или маньяках. Просто люди одного типа — всю жизнь устремлены к одной цели. Среди них часто бывают гении, из них получаются великие математики, физики, музыканты. А есть люди, которым все интересно, они занимаются разным, легко переключаются с одного вида деятельности на другой. Среди них тоже бывают гении, но реже. Характерный пример — Леонардо да Винчи. Я никак не отношу себя к таким титанам, но направленность моей натуры устремляется на разные виды деятельности. Я человек неуемный, мне интересно делать все... Но если говорить о приоритетах, то, с точки зрения души, на первом месте театр и кино, на втором — организация работы в Доме кино, на третьем — политика. А если с точки зрения времени, сил, здоровья, необходимости делать дела, то на первом месте — политика, а потом все остальное, в обратном порядке. В политической деятельности больше всего мне помог КВН, представляющий искусственный синтез остроумия, искусства, театра и спорта.

— Отражается ли на вашей политической карьере успех мероприятий Дома кино: фестивалей, светских тусовок, церемоний вручения призов и тому подобно-

го? — Мы начинали с вечеров писателей-эмигрантов, тогда же у нас проходили вечера демократических организаций. Это не просто уютный, теплый, хорошо обслуживаемый премьерный кинотеатр, но еще и реальное место для встреч тех, кто сегодня руководит искусством, культурой, наукой, политикой, бизнесом. Собственно, благодаря этому мы и живы, это привлекло меценатов и спонсоров, которым мы очень благодарны... Но едва ли можно говорить о том, что эти вещи отражаются на моей политической карьере. В сознании власть имущих те, кто их развлекает, могут быть славными ребятами, но они никогда не приписываются, даже с краю, к списку тех, кто действительно обладает реальной влас-

тью. Я называю себя участником политической массовки. Политическая массовка — это такой греческий хор за сценой, создающий некоторую плотность. Но я вхожу в то крыло хора, которое стоит на подмостках и видно публике.

— Какие политические блоки вам нравятся?

— Я часто думаю о том, что в этом смысле я похож на Агафью Тихоновну, которая к мудрости Гайдара добавила бы напористости Бориса Федорова, изящества Явлинского, нежности Хакамады, да и хорошо бы это замесала на основательности Черномырдина и близости к народу Ивана Рыбкина, плюс дисциплинированность отдельных коммунистов и наглость отдельных ЛДПРовцев — вот то-то был бы политик на все времена!

— А если серьезно, то в политике я приемлю все краски спектра, кроме ярко-красных и грубо-коричневых.

— Собирая в Доме кино светскую тусовку, вы делаете отбор?

— Конечно, отбор происходит. А что вы хотите?! Он везде есть. «Независимую газету» ведь тоже выписывают только те, кто хочет ее читать... И Дом кино существует для тех, кому он нужен. Для нас очень важно, чтобы сюда ходили те, кто не считает особой привилегией постоянно здесь появляться, не считает это жирным, вкусным куском пирога тусовочной жизни. Это наше принципиальное отношение ко всему, что происходит в Доме кино. Есть люди, которые просто любят бывать у нас, мы их приглашаем, среди них много известных. Мы никогда не зовем сюда начальников, «нужников», не отбираем публику по должности. Кто хочет бывать в Доме кино, тот и бывает — это постоянный круг наших посетителей. Но это не считая кинематографистов, конечно, для которых клуб доступен по членским билетам СК.

— Я имею в виду политическую ориентацию ваших постоянных посетителей.

— Здесь бывают все, кроме фашистов и экстремистов. Даже Марычев приходил несколько раз, не говоря уже о Семаго, активном коммунисте, моем старом приятеле по КВН — он заходит сюда постоянно. Я не держу людей за черных, красных, рыжих, кавказской национальности, коммунистов и так далее.

— И каковы же ваши наблюдения над теми, кто собирается в Доме кино?

— Замечательные люди!.. Мне кажется, что у нас здесь создана определенная атмосфера. Я вообще больше верю в атмосферу праздника, например, или атмосферу стола, работы, дома, чем во все остальное. Убежден, что все решается только благодаря неким нематериальным моментам — общению. Я пытаюсь — и пока не могу, потому что мы еще находимся в начале — создать атмосферу «Ники». Успех церемонии «Оскара» решает вовсе не шоу, которое и мы мастера делать... Кстати, мы из ничего можем сделать конфетку, а американцы и из конфетки часто делают скучное мероприятие. Дело в том, что у них есть то, что называется культурой общения. Мы во многом духовнее, то есть начитаннее, образованнее... Но как поздравить, как улыбаться, как вести себя, как реагировать на присутствие приза коллеге, — вот

этого мы не знаем. Они обнимаются, целуются, радуются успеху другого, они прыгают и скачут, хлопают в ладоши, пока их снимает телевидение. То есть они дисциплинированно участвуют в телевизионном шоу: и Дастин Хоффман, и Роберт де Ниро... Если они будут вести себя иначе, их просто не поймут. У нас происходит несколько по-другому. У нас не скрывают своей реакции на успех победителя, но актерам хлопают громче, чем номинантам, получающим приз. Я часто призываю со своей трибуны похлопать погромче, я смешно пытаюсь сражаться со зрительным залом, призывая к аплодисментам. Бывает, что зал дышит, как один человек, — когда искренние чувства не скрываются, а выплескиваются наружу. Например, при вручении на «Нике» приза «Честь и достоинство» — за итог профессиональной жизни, за прекрасные достижения в кинематографе. Вот тогда устанавливается атмосфера всеобщего братства. Наш небольшой кинематографический террариум ведет себя как надо. Увы, это далеко не всегда так.

— Отчего вы неадекватно воспринимаете критику по адресу «Ники» и «Зеленого яблока», тогда как на критику вашей политической деятельности (равно как и административной) реагируете вполне нормально?

— Я заслуживаю многочисленных критических замечаний, как политик, режиссер, администратор, человек и толстяк. И я заслуживаю дивных песен, постаментов и улыбок за «Нику» и «Зеленое яблоко».

— Не за качество. В создании «Ники» и «Зеленого яблока» есть подвиг невозможности, понимаете? Меня поражают критики и журналисты, которые не интересуются процессом, не видят того, что происходит. Жажда и поиск стеба застилают все. Проведу аналогию: рождается ребенок — сморщенное, красное, сплюсненное существо, покрытое плесенью, гадкое, отвратительное, если смотреть со стороны... Но не для матери, не для близких. Для меня «Ника» — это ребенок, который у нас родился.

— Критики относятся к таким вещам по-другому...

— Меня бесит снобизм наших критиков, которые, попадая на международные фестивали, потом усердно отработывают своей командировочные и на всю газетную страницу захлеб пишут о фильмах, которые никто не видел и никогда не увидит. Они пишут это для каких-нибудь высококолых шести человек, что-то об этом где-то слышавших. Мне плевать, что пишут обо мне лично. Но когда о «Нике» пишут с совершенно неоправданным высокомерием и точно так же пишут о российском кино и о российских артистах, которые, кстати, заслуживают всяческого уважения, особенно со стороны критиков, — меня это, повторяю, бесит... Таким образом, в сердцах и умах читателей и зрителей создается ощущение второсортности наших дел, идей, затей, второсортности нашего кино, призов и газет... Да, «Ника» бывает хуже или лучше. Бывает тягостная и скучная — бывает всякой. Но мы должны ее поддерживать все же во имя красного патриотизма. Мы должны ее поддерживать, потому что иначе все забудут, что у нас есть гениальные художники, прекрасный кинематограф. Это наша культура — как

сильно... Можно обойтись без особых комментариев. Если бы это было сделано вопреки некоему устоявшемуся формальному правилу, традиции, то тогда можно было бы принять какое-то иное решение. Но лично я не вижу в этом никакой драмы. Конечно, главное здесь — картина. Она была увенчана лаврами, достались они в первую очередь режиссеру. Но картину делал не один он. Ведь есть еще прекрасные актерские работы, музыка гениального композитора, съемка великолепного оператора и так далее. 12 человек были выдвинуты по 10 номинациям...

— На ваш взгляд, это как-то отразится на общем уровне «Ники»?

— Думаю, что никак. В празднике будет участвовать масса достойных работ и достойных имен.

— На последнем Московском международном кинофестивале, при огромных затратах, не было достигнуто ни представительности, ни престижности. Дела с «Никой» в этом смысле обстоят куда лучше.

— Я думаю, что кинофестивалем занималась отличная команда. Просто сказалось отсутствие опыта, поэтому он и получился каким-то комковатым, особенно в первые дни. Но «Ника» и МКФ — все-таки разные вещи. «Ника» — скорее однодневный итог большой работы, а кинофестиваль — двухнедельная ежедневная работа, состоящая из многих непосредственных организационных моментов... Я стоял у истоков десятков кинофестивалей, был организатором «Золотого Дюка», фестивалей в Душанбе, Баку, Львове, Ташкенте, многих московских кинофестивалей. Я был худруком не менее 30 фестивалей и могу сказать, что сегодня для одних фестивалей — тусовка, для других — источник наживы, для третьих — просто отдых. Я считаю, что любой фестиваль в эпоху разрушенного кинопроката равносильен самому прокату. Самое важное в этом то, что фестиваль привлекает внимание к российскому кино — в первую очередь. Это, кстати, одна из главных задач «Ники», а не тусовка, не праздник, не веселье. Задача — поднять престиж российского кинематографа и российского художника. Я говорю это, обращаясь к прессе: ругайте меня, иронизируйте по поводу шоу — ради Бога. Но прославляйте тех, кто получает призы. И Московский кинофестиваль — это попытка вернуть Москве престиж центра мировой культуры.

— С таким потрясающим оптимизмом вам, вероятно, легко убедить своих избирателей в том, что у них есть надежда на реальное улучшение жизни?

— Я избираюсь впервые по Черемушкинскому 203-му округу и с огромным интересом изучаю проблемы москвичей. Мне кажется, если сегодня наши реформы не вернуться к людям — к конкретному пенсионеру, студенту, обывателю, гражданину, — мы проиграем все. «Вернуть улыбки на лица людей!» — вот лозунг моей предвыборной кампании. Мы всю жизнь работали в мрачной стране, но работали с улыбками и весельем на лицах. Сегодня мы работаем порой в гораздо лучших условиях, но при этом все проклинаем и плачем, стенаем... А надо работать с куражом, с весельем и отвагой победителей, тогда будет успех.

4 декабря 1995 г. Москва.